

Научная статья
УДК 32.019.5
doi: 10.17223/1998863X/65/23

МОРАЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Татьяна Васильевна Евгеньева¹, Антонина Владимировна Селезнева²

¹ *Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия*

^{1,2} *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

¹ *etv133@mail.ru*

² *ntonina@mail.ru*

Аннотация. Проведено междисциплинарное исследование проблемы взаимодействия морального и политического в системе представлений современной российской молодежи. Выявлено, что молодежь считает моральные нормы основным мерилом для оценки политических действий и событий. При этом в их оценке на первый план выходят два варианта дихотомии: «свой»–«чужой» или «свои»–«другие».

Ключевые слова: молодежь, мораль, политические представления, идентификация, «свои», «чужие»

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31165 «Моральное и политическое в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, этические представления и политические установки».

Для цитирования: Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Моральное и политическое в представлениях российской молодежи в контексте ее социально-политической самоидентификации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 278–287. doi: 10.17223/1998863X/65/23

Original article

RUSSIAN YOUTH'S PERCEPTION OF THE MORAL AND THE POLITICAL IN THE CONTEXT OF THEIR SOCIOPOLITICAL SELF-IDENTIFICATION

Tatiana V. Evgenieva¹, Antonina V. Selezneva²

¹ *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

^{1,2} *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

¹ *etv133@mail.ru*

² *ntonina@mail.ru*

Abstract. The article is based on the results of a study of the relationship between moral and political consciousness. The study was conducted to answer the questions of what factors determine the ideas of modern youth about the interaction of morality and politics, and how their ethical ideas affect the perception of political problems. The conceptual model of the study is based on the psychological understanding of young people's consciousness as a

complex mental construct. Value orientations and ethical ideas existing in this construct's structure determine their attitude to politics. The empirical basis of the study was a questionnaire survey, focus group discussions, and expert interviews. The results of the survey show that, in the understanding of young people, moral norms should be the regulators of political relations. At the same time, the young generation's ethical ideas are abstract, poorly systematized, and largely dependent on a particular person's sociocultural or political orientations, which, in turn, are vague and fragmented. For the majority of the respondents, these orientations are based on very superficial knowledge about politics, political institutions, and specific political subjects. The perception of political events and processes, and the formation of their assessments from the standpoint of morality for young people occur on the basis of self-identification and categorization of socio-political subjects into "us" and "them". As a result, in assessing political events, the actions of politicians or citizens, the dichotomy "own" – "alien" or "we" – "others" comes to the fore. The declaration of any actions as moral/immoral depends on how a young person identifies oneself in relation to the subject of actions in social or political terms, whether this subject is perceived as conditionally "own" or conditionally "alien". For young people, "aliens" are often the authorities, their representatives, the state and its institutions, and "own" is an abstract image of the people, in a narrower sense, of people from their environment or politicians who declare support for the interests of the people (or society) against the state. The revealed tendencies in the formation of moral assessments of politics by representatives of the younger generation of Russians, together with the vagueness and fragmentation of their ethical ideas in general, can become the basis for active political manipulation, in which legal assessments are replaced by subjectively understood moral ones, and the arbitrarily understood significance of moral standards is used as arguments.

Keywords: youth; morality; political ideas; identification; "alien"; "own"

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, Project No. 21-011-31165.

For citation: Evgenieva, T.V. & Selezneva A.V. (2022) Russian youth's perception of the moral and the political in the context of their sociopolitical self-identification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 278–287. doi: 10.17223/1998863X/65/23

Постановка проблемы

Наблюдая за реакцией представителей молодого поколения россиян на происходящие в стране и мире события, можно увидеть часто обостренный интерес к их этической стороне. Моральные принципы и нормы становятся значимым фактором восприятия и понимания самых различных социально-политических процессов, не все из которых поддаются однозначной оценке с точки зрения ценностей нравственности. В первую очередь это относится к политике. Анализируя соотношение моральных и политических оснований реальных политических процессов и явлений, можно заметить, что попытки выстраивать отношения и действовать на основе лишь моральных ценностей, как правило, терпят провал.

Принадлежащие молодым пользователям комментарии в сети Интернет по поводу резонансных социально-политических событий (арест Алексея Навального, протесты в Шиесе, акции с требованием освобождения бывшего губернатора Хабаровского края Сергея Фургала и др.) в значительной части содержат попытки оценить происходящее в рамках дихотомии «морально»–«аморально» и гораздо реже опираются на понимание политической, а еще в меньшей степени – правовой стороны проблемы. При этом их представления о морали (так же как и о политических закономерностях или правовых нормах) носят чрезвычайно размытый, фрагментированный характер.

То есть современная молодежь, с одной стороны, считает, что моральные нормы должны быть основным мерилom для оценки политических действий и происходящих политических событий, с другой стороны, сами нормы при этом выглядят в их интерпретации плохо систематизированными и очень отрывочными.

В связи с этим можно говорить о необходимости исследования соотношения морального и политического сознания для ответа на вопросы: какими факторами определяются представления современной молодежи о взаимодействии морали и политики и каким образом ее этические представления влияют на восприятие политических проблем. Или, возможно, имеет место противоположный процесс – политическая ориентация личности определяет ее моральные оценки.

Теоретико-методологические основания исследования

Вопрос о соотношении морального и политического начиная с прошлого века периодически выходит на первый план в работах представителей различных социально-гуманитарных наук в периоды наиболее серьезных политических потрясений в связи с необходимостью более глубокого понимания и оценки событий, затрагивающих судьбы миллионов людей. В рамках анализа поставленных вопросов следует подчеркнуть, что проблема моральной оценки современных социальных и политических процессов находится в центре внимания многих работ как российских, так и зарубежных ученых, анализирующих ее в философском, социокультурном и политологическом контексте [1–5]. Однако, по мнению авторов, более глубокое понимание сути проблемы взаимодействия и взаимовлияния морального и политического в системе представлений молодежи возможно только с опорой на междисциплинарные основания, интегрирующие политико-философские, политико-социологические и политико-психологические подходы.

Теоретико-методологическую основу нашего исследования составляют социальные и политические теории [6, 7], позволяющие учитывать не только психологическую сущность этических и политических представлений, но и социально-политический характер объектов репрезентации. Кроме того, мы опираемся на положения теории идентичности Г. Тэджфела, касающиеся роли представлений об ингруппе («свои») и аутгруппе («чужие») в процессе социально-политической самоидентификации личности [8, 9].

В основе концептуальной модели исследования лежит психологическое понимание сознания молодежи как комплексного ментального конструкта, существующие в структуре которого ценностные ориентации и этические представления детерминируют ее отношение к политике. При этом восприятие политических событий и процессов и формирование их оценок с позиций морали для молодых людей происходят на основе самоидентификации и категоризации социально-политических субъектов на «своих» и «чужих».

Эмпирическую базу исследования составили:

- анкетный опрос, проведенный осенью 2020 г. с российской молодежью (1 705 респондентов в возрасте 18–30 лет из 63 регионов РФ, представляющих разные типы субъектов РФ из всех федеральных округов);
- восемь фокус-групповых дискуссий, проведенных летом–осенью 2021 г. с молодежью в возрасте от 14 до 30 лет из 16 субъектов РФ;

– две экспертные дискуссии, проведенные в декабре 2021 г. Участниками первой дискуссии стали 7 экспертов – ученые-исследователи, специалисты в области политической философии, политической психологии, политической социологии, социологии молодежи, возрастной и социальной психологии. Участниками второй дискуссии стали 12 экспертов – специалистов по работе с молодежью, сотрудников органов государственной власти и общественных организаций.

Отметим, что формат статьи не позволяет в полной мере представить все полученные эмпирические данные (в первую очередь количественные). Такой задачи и не стоит, поскольку они уже были частично опубликованы ранее [10. С. 23–34]. Здесь, скорее, предпринимается попытка интерпретировать и осмыслить их в соответствии с поставленными проблемными вопросами.

Результаты исследования и их интерпретация

Одним из ключевых вопросов рассматриваемой в статье проблемы является вопрос о том, как представляет себе молодежь соотношение политики и морали. Результаты опроса показывают, что в понимании молодых людей моральные нормы должны быть регулятором политических отношений: для 31% респондентов – абсолютным, для 40% – относительным.

При обсуждении в фокус-группах большинство респондентов уверенно подчеркивали значимость моральных критериев при оценке политических событий или действий политических акторов. При этом, однако, когда речь заходит о реальной политике, часть из них считают, что это пожелание имеет в основном абстрактное значение, а реальная российская политика, скорее, аморальна: *«Должно быть морально, но сейчас аморально»* (23 года, муж., Воронеж), *«Человеческая мораль отсутствует в политике»* (23 года, муж., Тамбов). При этом степень категоричности суждений не зависит от принадлежности респондента к более молодой или старшей когорте молодежи. Часто респондент готов признать, что представление о морали и моральности субъективно: *«...у каждого человека мораль более-менее своя»* (16 лет, жен., Челябинск); *«мораль у каждого народа своя»* (21 год, муж., Москва).

Если в этих примерах мы можем увидеть размытость, неконкретность моральных критериев оценок, то дальнейшая детализация вопросов демонстрирует специфическим образом систематизированный характер предлагаемых моральных оценок. В ответе на вопрос, какие действия в политике можно оценить как абсолютно аморальные, был получен большой разброс мнений от насилия и войны до безразличия к экологии.

При этом оценка значимости тех или иных позиций выявляет неожиданные противоречия. Коррупция, взятки и хищение бюджета (21%) оказываются по степени аморальности существенно выше, чем применение насилия и убийство оппонентов (9,62%). А война, геноцид или применение оружия массового поражения (7,27%), казалось бы, более значимые по оценке последствий, оказались практически на одном уровне с бездействием власти (7,45%) или безразличием к проблемам народа (6,98%). Нарушение прав или обман и манипуляция сознанием (5,87%) получили значительно большее осуждение, чем нарушение конституции (0,94%) или законов (2,99%). При этом измена Родине вообще попала на одно из последних мест (0,65%).

Можно предположить, и это частично подтверждается более подробными ответами респондентов в фокус-группах, что многое зависит от образа субъекта, которым или по отношению к которому совершаются данные действия. Объектом геноцида или применения оружия массового поражения являются абстрактные «другие», с которыми респондент не готов себя идентифицировать. А с насилием (в вопросе не уточняется, какое именно имеется в виду) респондент сталкивается если не в реальной жизни, то в многочисленных сообщениях в СМИ или в сети Интернет. На этом фоне геноцид не кажется таким страшным нарушением моральных норм.

То есть в сознании респондентов, которые таким образом отвечали на вопрос, нарушение моральных норм по отношению к этим неизвестным «другим» не вызывает сопереживания.

Следовательно, мы можем отметить наличие серьезной разницы в восприятии самой идеи соблюдения моральных норм по отношению к тем, с кем респондент соотносит себя и считает «своими», и субъектам, категоризируемым в качестве «других».

Однако разница в восприятии и оценке значимости моральных норм в зависимости от субъекта их применения опирается еще на одну, более значимую закономерность восприятия: дихотомию «свой»–«чужой». Эта дихотомия более нагружена эмоционально, чем противопоставление «нас», «своих» и «других». Если действия «другого» или по отношению к нему воспринимаются эмоционально нейтрально, то образ «чужого» ассоциируется с опасностью, вызывает тревогу.

По мнению Т.В. Карадже, «политическое – это особая конфликтогенная сфера, сфера столкновения интересов, где интересы являются тем водоразделом, который делит мир на „своих“ / „чужих“, „друзей“ / „врагов“, „союзников“ / „соперников“» [3. С. 6]. Однако хотелось бы добавить, что дело здесь не только в конфликтогенности сферы политического. Образ подозрительного и опасного «чужого» восходит к опыту архаического человека, который часто в неосознаваемой форме продолжает жить в глубине человеческого сознания и может легко актуализироваться (или быть целенаправленно актуализированным) в ситуации кризиса, роста настроений массовой и индивидуальной неудовлетворенности [11]. «Чужой» по определению аморален, непонятен и потому опасен. От него следует держаться подальше и тем более ни в коем случае не поддерживать или защищать.

Образ «чужого» в том или ином виде присутствует в сознании современного молодого человека с не до конца сформированными, размытыми и плохо систематизированными представлениями о нормах морали. И тогда для этого человека критерием моральности / аморальности действий субъекта становится субъективное отнесение его к «своим» или «чужим».

В настоящее время в сознании молодежи серьезную роль играет процесс своеобразного отчуждения от всего, что связано с образом государства и его институтов, начавшаяся уже не сегодня тенденция к содержательному наполнению дихотомии «свой»–«чужой» противопоставленными друг другу образами условного «народа», или «граждан», и не менее условной «власти», конкретизированной в лице «государственного чиновника», «политика» или государства в целом [12. С. 53]. Данная тенденция последовательно выявлялась в исследованиях российской идентичности начиная с 2015 г.

Восприятие происходящих событий, в том числе политических, на основании дихотомии «свой»–«чужой» может объяснить указанные выше противоречия в оценках степени моральности / аморальности политических явлений и процессов.

«Свои» для молодого респондента сегодня – это уже не народ или граждане, а мое непосредственное окружение (семья, друзья, члены группы в сети Интернет), а «чужие» – все субъекты, прямо или косвенно имеющие отношение к власти или государству. Тогда понятным станет кажущееся противоречие, когда предательство (часто при этом уточняемое как «предательство соратников») респонденты называют значимым аморальным поступком, а измена Родине набирает меньше одного процента.

Если рассмотреть пример коррупционных действий, которые по результатам опроса были признаны самыми аморальными (21%), часть респондентов признает возможность их совершения, если необходимо защитить себя – *«Единственный момент, когда я могу совершить коррупционное действие, – это момент, когда моей безопасности может представляться угроза. Сколько страшных историй из отделения полиции»* (18 лет, жен., Екатеринбург), или «своих» – *«Наверное, ради помощи близким, но, если это случай несправедливости, коих в российской системе исполнения наказаний достаточно»* (21 год, муж., Москва). Интересно, что оба респондента приводят примеры, связанные с защитой от правоохранительных органов, т.е. «чужих».

Нарушение закона в российской культуре часто воспринималось как своеобразная форма пассивного сопротивления государству. Интересно, что те респонденты, которые говорят о несоблюдении властью конституции как об аморальном действии, в целом спокойно относятся к нарушению того или иного закона гражданами – *«Нарушение некоторых законов является попыткой отстоять собственные права. В таком случае, следование нормам морали оправдывает нарушение закона»* (25 лет, жен., Ростов-на-Дону), а иногда даже политиками, если они действуют «на благо общества» – *«Мне ни горячо, ни холодно, если чиновник ворует, но работает на общее дело. КПД должно быть таковым, чтобы было на благо общества. Воруи, но выполняя свою работу эффективно»* (21 год, муж., Владивосток).

С этой точки зрения интерес представляют ответы молодых людей на вопросы, связанные с двумя анализируемыми кейсами: арестами Алексея Навального и Сергея Фургала. Приведем довольно распространенные ответы на вопрос о соответствии ареста А. Навального нормам закона и морали: *«Я не знаю, насколько это законно, я не вдавался в подробности. Я думаю, что это аморально, для меня остается очевидным, что это попытка задержать главного оппозиционера. Я считаю, что борьба за власть должна соответствовать морали, не должно быть ударов под дых»* (21 год, муж., Москва); *«С моей точки зрения, с Навальным поступили аморально. Было впечатление, что он вообще не подозревал, что могло быть. Но законно, прикрылись законом. Я уверена, что он не знал, что он должен ходить и отмечаться, он был уверен, что это проблема его брата. Он же не напрямую с „Ив Роше“ контактировал»* (22 года, жен., Москва).

Сразу заметно (и первый респондент об этом говорит), что ни тот ни другая не представляют себе, какую именно норму закона Навальный нарушил. При оценке ситуации они ориентируются на медийный образ оппозици-

онера, борющегося против власти («чужие») за интересы людей («своих»). А дальше начинается действие механизма каузальной атрибуции. У «своего» не может быть негативных мотивов. Либо он искренний борец, преследуемый властью (первый респондент), либо наивный человек, который не знал относящихся к нему норм закона (второй респондент). При этом для обоснования своего утверждения респондент как бы забывает про условный срок и по-своему реконструирует историю с Ив Роше, не вдаваясь или не понимая деталей обвинения.

Если в соответствии с механизмом каузальной атрибуции «свой» не может руководствоваться негативными мотивами, то у «чужого» (власти) мотивы могут быть только негативными: «задержать главного оппозиционера», «прикрывшись законом». То есть наличие закона вроде бы признается, но он воспринимается как что-то необязательное, как объект манипулирования со стороны представителей власти. Высказываясь по другому вопросу (о митингах протеста), один из респондентов еще более четко высказал свою позицию по поводу соотношения морали и закона: *«Люди поступили морально, для них это было важно. Незаконно, но должно быть законно»* (21 год, муж., Москва).

По второму кейсу можно также привести высказывание респондента (интересно, что вопрос был не конкретно о Фургале, а о губернаторе вообще): *«Мы помним Фургала, что ему вменяли убийство в 2000-х. На самом деле я этому верю, потому что подобные случаи и у нас в Приморском крае бывали. Но за него выходили несколько недель люди, потому что видели результаты его деятельности... Не знаю, как это описать, потому что цель оправдывает средства. Не знаю, как ответить на этот вопрос, если честно. Скорее, проголосовал бы»* (21 год, муж., Владивосток).

Утверждение о цели, которая оправдывает средства, звучал в той же группе и в других ответах респондентов, связанных с нарушением закона: *«Я считаю, что для достижения хорошей цели нарушить закон – это допустимо»* (20 лет, муж., Иркутск).

Таким образом, в этих ответах, которые являются достаточно типичными, нормы морали и моральные оценки опираются на категоризацию участников конфликтной ситуации по модели «свой» / «чужие». При этом правовые нормы (которые ни тот ни другой не знают) никак не влияют на позиции респондентов.

Можно предположить, что одной из причин такого отчуждения могут являться действия самих институтов власти, в которых, по словам респондентов, не хватает искренности и открытости. Решения и действия этой абстрактной власти непонятны, пояснения сложны, запутанны и непоследовательны. А непонятное вызывает, как правило, негативную эмоциональную реакцию. Это можно проследить по официальной информации в двух указанных примерах. Информация появлялась с большим опозданием, была непоследовательной и не всегда понятной массовому сознанию.

Выводы

Если вернуться к поставленным в начале статьи вопросам, можно подтвердить, что в сознании молодежи сегодня существует тенденция применения моральных ценностей к пониманию политики. Молодежь действительно воспринимает политику через призму морали. Немецкий исследователь

Бернхард Сутор пишет в этом контексте о нагружении и извращении политики «чрезмерными моральными требованиями» [13].

Однако основная трудность состоит даже не в этом. Результаты исследования показывают, что сами этические (впрочем, как и политические) представления молодого поколения абстрактны, плохо систематизированы и во многом зависят от социокультурной или политической ориентации конкретного человека. При этом сами ориентации также достаточно размыты или фрагментированы.

Для большинства респондентов такие ориентации опираются на очень поверхностные знания о политике, политических институтах, конкретных политических субъектах. По-видимому, все-таки придется привести два показательных ответа, в чем-то подтверждающих этот вывод: *«Вечно забываю фамилию... Он любил еще фразочки типа „хотели как лучше, получилось как всегда“. Я считаю его моральным. Я смотрел несколько интервью, где он очень честно говорил о своей работе»* (20 лет, муж., Иркутск); *«Я не могу убежать от сложившемся в голове образе человека и все-таки отвечаю: Петр I, Ленин, Че Гевара, Нельсон Мандела. А на вопрос почему, ответ один – кто-то написал о них хорошо, а я это прочитал, и это мне показалось правдивым»* (25 лет, муж., Екатеринбург).

Анализируя соотношение представлений молодых людей о моральных нормах и нормах закона, можно увидеть, что если о политическом некоторые плохо систематизированные представления все же имеются, то знания правовых норм абсолютное большинство респондентов не показали.

В результате в оценке политических событий, действий политиков или граждан на первый план выходят два варианта дихотомии: «свой»–«чужой» или «свой»–«другие». Объявление каких-либо действий моральными / аморальными зависит от того, каким образом молодой человек идентифицирует себя по отношению к субъекту действий в социальном или политическом плане, воспринимается ли этот субъект как условно «свой» или условно «чужой» (в другом варианте «другой»). Т.В. Карадже называет это явление амбивалентностью [3. С. 6]. Однако это определение представляется не совсем точным. Амбивалентность – двойственность отношения – предполагает одновременное существование противоположных чувств по отношению к объекту. В исследуемых ситуациях оценки достаточно определены, нечеткими являются критерии, на основании которых они возникают.

Ранее в исследованиях, посвященных российской идентичности, отмечалось, что именно у молодежи в последние годы растет восприятие власти и ее институтов, государства в целом в качестве «чужих», противопоставленных «своим» – народу в целом или некоторой небольшой части политиков, активно заявляющих о поддержке интересов народа (или общества) против государства [12].

Выявленные тенденции в формировании моральных оценок политики представителями современного молодого поколения российских граждан вместе с размытостью и фрагментированностью их этических представлений в целом могут стать основанием для активного политического манипулирования, при котором правовые оценки подменяются субъективно понимаемыми моральными, а в качестве аргументов используется произвольно понимаемая значимость тех или иных моральных норм.

Список источников

1. Гусейнов А.А. Мораль и политика: уроки Макиавелли // *Философский журнал*. 2014. № 2 (13). С. 5–23.
2. Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004.
3. Караджэ Т.В. Политическая этика как направление политической науки // *Вопросы политологии*. 2014. № 2 (14). С. 5–15.
4. Оболонский А.В. Этика в сфере публичной политики как фактор социокультурных изменений // *Общественные науки и современность*. 2015. № 4. С. 65–82.
5. Сазонова А.А. Политическая этика как основание новой мировоззренческой парадигмы // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер. Философия. 2016. № 3. С. 76–81.
6. Емельянова Т.П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М. : Ин-т психологии РАН, 2016. 476 с.
7. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2013. № 3-1. С. 158–167.
8. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of Intergroup Relations* / ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago : Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.
9. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М. : Новое изд-во, 2004. 336 с.
10. Новая политическая этика российской молодежи / под общ. ред. А.В. Селезневой. М. : Аквилон, 2021. 206 с.
11. Селезнева А.В., Евгеньева Т.В. Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи // *Полития*. 2007. Т. 46, № 3. С. 83–95.
12. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации // *Полития*. 2017. № 4 (87). С. 48–64.
13. Sutor B. Politische Ethik. Gesamtdarstellung auf der Basis der Christlichen Gesellschaftslehre. Paderborn – Munchen – Wien – Zurich : Ferdinand Schoningh, 1991.

References

1. Guseinov, A.A. (2014) Morality and politics: what Machiavelli has to teach us. *Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal*. 2(13). pp. 5–23. (In Russian).
2. Kapustin, B.G. (2004) *Moral'nyy vybor v politike* [Moral choice in politics]. Moscow: Moscow State University.
3. Karadzhe, T.V. (2014) Political Ethics as a Branch of Political Science. *Voprosy politologii – Political Science Issues*. 2(14). pp. 5–15. (In Russian).
4. Obolonskiy, A.V. (2015) *Etika v sfere publichnoy politiki kak fakh faktor sotsiokul'turnykh izmeneniy* [Ethics in public policy as a factor of socio-cultural changes]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 4. pp. 65–82.
5. Sazonova, A.A. (2016) Political ethics as the foundation of a new political doctrine. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya – RUDN Journal of Philosophy*. 3. pp. 76–81. (In Russian).
6. Emelyanova, T.P. (2016) *Sotsial'nye predstavleniya: Istoriya, teoriya i empiricheskie issledovaniya* [Social representations: History, theory and empirical research]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
7. Evgenieva, T.V. & Selezneva, A.V. (2013) Politicheskie predstavleniya v kontekste istoricheskoy pamyati: obrashchenie k proshlomu v situatsii krizisa identichnosti [Political representations in the context of historical memory: turning to the past in a situation of identity crisis]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 3–1. pp. 158–167.
8. Tajfel, H. & Turner, J.C. (1986) The social identity theory of intergroup behavior. In: Worchel, S. & Austin, W.G. (eds) *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall.
9. Neumann, I. (2004) *Ispolzovanie "Drugogo": Obrazy Vostoka v formirovanii evropeyskikh identichnostey* [Using the "Other": Images of the East in the formation of European identities]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
10. Selezneva, A.V. (ed.) (2021) *Novaya politicheskaya etika rossiyskoy molodezhi* [New political ethics of Russian youth]. Moscow: Akvilon. pp. 23–34.
11. Selezneva, A.V. & Evgenyeva, T.V. (2007) *Obraz "vraga" kak faktor formirovaniya natsional'noy identichnosti sovremennoy rossiyskoy molodezhi* [The image of the "enemy" as a factor in the formation of the national identity of modern Russian youth]. *Politiya – Politeia*. 46(3). pp. 83–95.

12. Evgenyeva, T.V. & Selezneva, A.V. (2017) Transformation of National-State Identity of Russian Youth in the Post-Soviet Period: Values' Foundations and Symbolic Representations. *Politiya – Politeia*. 4(87). pp. 48–64. (In Russian).

13. Sutor, B. (1991) Politische Ethik. Gesamtdarstellung auf der Basis der Christlichen Gesellschaftslehre. Paderborn; Munchen; Wien; Zurich: Ferdinand Schoning.

Сведения об авторах:

Евгеньева Т.В. – кандидат исторических наук, доцент, профессор департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: etv133@mail.ru

Селезнева А.В. – доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: ntonina@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Evgenieva T.V. – Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: etv133@mail.ru

Selezneva A.V. – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ntonina@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2022;
одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 03.03.2022*

*The article was submitted 15.01.2022;
approved after reviewing 05.02.2022; accepted for publication 03.03.2022*